

«РАСПАД ВРЕМЕН» В РОМАНАХ М. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ» И М. ОСОРГИНА «СИВЦЕВ ВРАЖЕК»

Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова

Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко

Поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Аннотация: в статье анализируется интерпретация постреволюционного времени в творчестве 20х годов XX века на примере романов М. Осоргина и М. Булгакова, выявляются сходные черты в повествовательной, образно-метафорической и лингвистической структуре прозаических произведений. Выдвигаются предположения о возможных стилистических заимствованиях и аллюзиях при построении модели художественного мира, проводится сравнительно-сопоставительный анализ произведений. Выявляются основные черты сходства и различия в воспроизведении реалий новой государственной формации: антитезы «свет-тьма», «холод-свет», образ Дома в качестве положительного ориентира, специфика интерпретации хронотопа переходного периода, имитация сказовой манеры повествования.

Ключевые слова: русская литература, Гражданская война, М. А. Осоргин, М. А. Булгаков, хронотоп.

Abstract: In this article the specific character of the post-revolutionary period in the novels of M. Osorgin and M. Bulgakov works is analyzed, similar features of the narrative, metaphorical and linguistic structure are represented. "The collapse of times" in the novels of M. Bulgakov "White Guard" and M. Osorgin "Sivtsev Vrazhek" became the subject of comparative analysis. There are the main types of characters, existence in mythological space and time of a new historical period, reflected in the structure of the text. It is suggested the possible stylistic allusions in the creating model of the world in novels, comparative analysis of writer's masterpieces is shown. The main lines of similarities and differences in image of new state formation are represented: antithesis "light-darkness", "cold-light", the image of the House as a positive marked place, chronotope of transition period, imitation of fable narrative manner.

Keywords: Russian literature, Civil war, M. A. Osorgin, M. A. Bulgakov, chronotope.

Эпоха больших культурно-исторических изменений неизбежно влечет за собой трансформацию окружающего пространства, создает культурный разлом между цивилизационными образованиями, разделяя объективно существующий мир на «до» и «после». Русская культура в полной мере испытала последствия смены политического строя, что, в свою очередь, нашло отражение в литературе и публицистике. Быстрые и подчас чудовищные перемены становятся предметом размышлений для целого ряда писателей, в числе которых оказываются М. А. Осоргин и М. А. Булгаков.

Судьба двух авторов ощущается как диаметрально противоположная. Михаил Андреевич Осоргин, талантливый журналист и очеркист, писательскую деятельность начнет только в эмигрантском Париже; Михаил Александрович Булгаков, обладавший к 1917 году заслуженной репутацией автора и драматурга, становится непосредственным свидетелем переломной эпохи.

Таким образом, мы имеем возможность сопоставить презентацию революционной эпохи извне, с позиций писателя-иммигранта, и изнутри, глазами

человека, пережившего трагедию «распада времен» на личном опыте.

При первом знакомстве становится очевидным существенное сходство прозаических произведений в архитектонике сюжета, в построении образно-метафорической системы, даже в повествовательной манере. Можно предположить факт знакомства писателя-эмигранта с прозаическим или драматургическим текстом Булгакова. Подтверждением тому служит благосклонная рецензия на изданный в Париже текст пьесы, опубликованная Осоргиным в 1929 году. Вероятно, писатель-эмигрант мог ознакомиться и с полным текстом литературного собрата, так как французское издание «Белой гвардии» увидело свет в 1927—1929 годах, в то время как «Сивцев Вражек» выходит в печать в 1929.

Однако и без вышеизложенных соображений сходство между романами достаточно велико. И Булгаков, и Осоргин воспринимают первые годы революционного режима как хаотическое движение элементов распадающейся культуры, как столкновение прошлого и настоящего на пороге рождающегося мира, как диалог двух культур. Тем не менее созданный в условиях эмиграции «Сивцев Вражек» вступает в полемику с выводами произведения Булгакова.

Для объективности анализа выделим уровни архитектоники текста: воспроизведение «пространства-времени», специфику образно-метафорической системы, особенности языковой презентации автора-повествователя.

Местом действия авторы избирают знаковые города, обладающие обширным багажом культурно-исторических параллелей. У Осоргина это Москва, у Булгакова — Киев. При этом в романе «Сивцев Вражек», первоначально претендующем на камерность сюжетно-повествовательных линий, парадоксально возникает масштабность и широкий охват географии; герои путешествуют, в поисках пропитания наведываются в близлежащие деревни; ласточки — объект наблюдения старого орнитолога — приносят на крыльях тепло и свет далекого Египта; в рядах солдат Первой мировой войны отважно сражаются французы, итальянцы и немцы: Жаны и Базили из Масси, Джованни и Базилио из Пьеве ди Кастелло [1, 11].

Оба писателя вводят ассоциативный ряд: «революция-смерть-зима-холод-темнота», но временные и пространственные рамки романа Осоргина шире, описываемый исторический период — с 1914 до 1919 — подразумевает концепт смены времен года, как символ надежды. Герои Булгакова словно заперты в одном временном периоде, в границах одного города.

У Булгакова холод связан с образом снежной стихии — метели, движение холодных потоков ветра характеризует энтропийную сущность революции, хаотическое движение людей, бесформенное «пространство-время» переходного периода [2, 8]. У Осоргина холод статичен, это ледяное дыхание смерти, отрицающее саму идею динамики. Символично, что в романе «Сивцев Вражек» холод концентрируется в Кремле — средоточии государственной жизни России. У Михаила Булгакова сходный мотив трупного окоченения встречается в картине посещения морга, куда Николка приходит в поисках останков погибшего Най-Турса. В символическом плане гибель старого мира в романах метафорически передает смерть матери Алексея Турбина («Белая гвардия») и смерть бабушки, заменившей мать осиротевшей Танюше Горяевой («Сивцев Вражек»).

Тезис о мертвенности первых месяцев нового режима закономерно ставит вопрос об антитезисе, о культурных ценностях, противостоящих распаду. У Булгакова это, прежде всего, интимный круг единомышленников, собирающихся на квартире Турбиных, как обозначение тепла и света — изразцовая печь, лампа. У Осоргина сходные мотивы воплощены в образах самовара на углях, часов с кукушкой, ласточкиного гнезда под крышей. Однако в романе писателя-эмигранта отчетливо звучит мотив перемен, воплощенный в природно-сезонных трансформациях, символе возрождения и воскрешения, в ласточке, прилетающей каждый год на одну и ту

же крышу. Такова внутренняя философия человеческого бытия, в понимании автора: «человек — тоже растение, прорастающее на камнях цивилизации» [1, 148]. У Михаила Булгакова весна предстает далеким воспоминанием, природа лишена животворящей силы, сады стоят, «отягченные снегом», персонажи остаются один на один в сложном историческом поединке [4, 13].

Смена культурных эпох закономерно вызывает в памяти целый ряд культурно-исторических параллелей. Временные смещения и разломы, возникающие в момент хаотического движения, позволяют героям мысленно перемещаться из настоящего в прошлое. На страницах романа возникают образы древнейших катастроф: развалины Колизея, гибель Вавилона, бунт времен «Лексия Михалыча» («Сивцев Вражек»), «Кай Юлий Цезарь», Петр I и Мазепа, князь Владимир («Белая гвардия») [5, 8].

В романе М. Осоргина временные искажения получают метафорическое обоснование, поскольку диффузия временных пластов соответствует постреволюционному состоянию мира. Время становится «не-настоящим», оно утратило способность развиваться непрерывно и поступательно, возвратилось к прежнему хаотическому состоянию. В романе «Сивцев Вражек» этому соответствует символический образ сломанных часов, в «Белой гвардии» — восход на небе зловещего красного Марса.

Помимо вполне реалистичного пространства в системе художественного мира присутствует онирическое пространство снов, выполняющих роль предостережения и рефлексии сознания, зашифрованной в архетипах и символах [6, 78]. В романе Осоргина снам посвящены отдельные главы, особенно выразительны в данном плане картина «бунта уродов и калек», предстающая в сновидении офицера Стрельникова, «гнилозубая тень» Смерти в сером балахоне [1; 78, 156, 180]. Не менее значим мир снов у Булгакова, зыбкий и обманчивый, он носит на себе отпечаток измененной реальности. Мифологизированное пространство проникает в реальный мир, наполняя сознание овеществленными страхами и демонизированными персонажами, чьи конкретно-исторические черты размыты. В «Белой гвардии» таковым выступает таинственный Петлюра, чьего появления, как Ревизора в пьесе Гоголя, боятся и ждут герои. Мертвым кораблем высится среди развала кипения и суеты гимназия, где еще недавно учился Николка Турбин. В романе Осоргина в данном качестве выступает абстрактный солдат-дезертир, несущий вместе с окопной вошью ощущение опасности и беспокойства; зловещий образ поезда, свинцовые «шмели» — пули, «металлическая птица»-самолет, «чудовищная рыба, плюющаяся огнем» — подводная лодка [1, 48].

Лишь Дом, семейный очаг сохраняют привычные характеристики в стремительно меняющемся мире, принадлежность к Дому, служение его идеалам —

единственно верное средство противостоять силе распада. Свет и тепло противопоставлены внешней тьме, в огороженном, огражденном от нечистой силы пространстве сплавляются воедино идеалы старого поколения и молодежи, с надеждой смотрящей в будущее. В качестве последней выступают Николка Турбин («Белая гвардия»), Вася Болтановский и Татьяна («Сивцев Вражек»).

Говоря о построении образно-метафорической системы, следует обозначить антиномические пары, организующие данную систему. В качестве таковых выступают «свет-тьма», «тепло-холод», «мир-война».

Последняя пара антиномий выявляет различие в мировоззрении писателей. Если у Булгакова герои в большинстве своем принадлежат к военной касте и способны воспринимать войну как патриотическую и справедливую, персонажи Осоргина, прежде всего, представители интеллигенции, любая военная эскапада преподносится заведомо в негативных тонах. «Насильственных вторжений в мировую эволюцию природа вообще не терпит; она мстит за это, и жестоко мстит», — заявляет старый профессор, выступающий носителем мудрости и здравого смысла в романе «Сивцев Вражек» [1, 7]. Персонажи, непосредственно связанные с военными действиями (Андрей Колчагин, Эрберг, инвалид Стольников, инженер дядя Боря), являются носителями преимущественно негативных характеристик. Концепт войны предстает на страницах романа как «багряный закат», «кровь, стекающая по столбам северного сияния», «красный гриб под сосной». Последний образ пророчески совпадает с картиной атомного взрыва — угрозы, еще незнакомой первой трети XX века.

Воссоздав картину нового, искаженного пространства-времени, писатели предполагают две модели поведения обывателя, порожденные страхом переходного периода. Символически их можно обозначить как уподобление зверю и уподобление вещи, «овеществление» [7, 73].

В романе «Белая гвардия» жители Города заняты лихорадочной деятельностью, они суетятся, спешат жить, обедают в лавках-паштетных, чтобы только заглушить ужас перед приближающейся бедой. Михаил Осоргин проводит параллели с животным миром: с обезьянами, оказавшимися на изолированном острове, с крысами, расчищающими жизненное пространство.

На более низкой ступени развития оказываются люди-вещи, полностью лишенные свободы воли. И если Николка Турбин удивляется неуважительному отношению к останкам доблестного Най-Турса, в художественном мире Осоргина живые люди постепенно привыкают к новому статусу неживого предмета. Из горевших и обстрелянных домов выбегают уже не люди — выбегают довольство и нужда, в Обрубок превращается офицер Стольников, «вещью с абсолютным слухом» становится

музыкант Эдуард Львович, лишенный любимого инструмента.

На страницах романов часто возникает тема музыки, специфическим языком звуков и диссонансов говорящей о «распаде времен». Музыка переходного периода — это какофония звуков, идей, слов, соответствующая энтропийному состоянию мира. «Мира нет», — заключает Алексей Турбин. «Дисгармония», — вторит ему персонаж М. Осоргина музыкант Эдуард Львович.

Музыка присутствует как неотъемлемый атрибут образа Дома, в романе Осоргина это особый язык, повествующий об утраченном Космосе и Хаосе нового времени, у Булгакова музыка воссоздает картины семейного уюта семьи Турбиных. Музыка сопровождает эпитет «вечный», «бессмертный», как признак нетленности культурного наследия, противостоящего хаосу бытия.

Говоря о языковой системе, нельзя не отдать должное стилистической составляющей анализируемых прозаических произведений. Оба автора, характеризуя возникшее противоречие бытия, прибегают к имитации «живой речи», импровизированному рассказу, образу «наивного рассказчика» [8, 10; 6, 8].

Оба романа имеют схожее начало, восходящее к сказовым традициям зачина. Булгаков воспроизводит интонацию библейского эпоса: «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом» [цит. по 9, с. 6], Осоргин прибегает к градации, подчеркивающий масштабы происходящего: «В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле ученый-орнитолог Иван Александрович» [1, 4].

Библейски-торжественное начало дробится, распадается на короткие, эмоциональные фразы, избилующие риторическими вопросами и восклицаниями, особенно востребованными в сценах описания войны: «Вы слышите гудящий свист, — вам еще это не знакомо? Бросьтесь на землю, закопайтесь в нее головой, глубже, глубже» («Сивцев Вражек») — «Абажур священен. Никогда не убегайте крысёй побегом на неизвестность от опасности. У абажура дремлите, читайте — пусть воет вьюга, — ждите, пока к вам придут. Тальберг же бежал» («Белая гвардия»). Авторы косвенно вступают в полемику: писатель-эмигрант советует держаться ближе к земле, Булгаков воспекает охранную силу Дома.

Язык как феномен культуры в полной мере передает происходящее, фиксирует социальные перемены, сохраняет культурную традицию [10, 15], поэтому в обоих романах важную роль играет личная, интимная переписка, и если у Булгакова — это символ преемственности поколений, в «Сивцевом Вражке» М. Осоргина старыми письмами растапливают

печи, продают на бумагу для папирос, используют в качестве оберточной бумаги.

Хотя в творчестве М. Булгакова тема борьбы с «канцеляритом», с упрощением языка появится позже, стилистическое единство писателей кажется очевидным: вербализация новых реалий в романе «Сивцев Вражек» — «уплотнение», «кремлевский паек», «мешочники», «игранный сахар», — кажется, могла бы принадлежать и автору «Мастера и Маргариты».

Речевая стратегия и тактика кризисного дискурса включает в себя подмену основных понятий, господство однотипных лозунгов, маскирующих абсурдность бытия. В художественном мире Осоргина мертвецы называются простонародным словом «жмурики», дворяне — «бывшими, буржуазными элементами», жена — «сожительницей», в Москве не просят о помощи, а «входят в контакт», «устанавливают связь», люди существуют в соответствии с законами «экономии душевного тепла».

Подводя итоги анализа, отметим основные мотивы, возникающие в творчестве двух писателей. Борьба старого и нового мира, видоизменение окружающего пространства-времени воспринимается как неизбежный процесс, упрощение мировосприятия, сброс усложненных механизмов восприятия, сопровождающиеся усилением ощущений страха и растерянности, искажение «пространства-времени», подмена символических понятий, разрушение языковой системы.

Наряду со схожими чертами нельзя не отметить и различия в воссоздаваемой художественной картине мира, переживающего момент распада. Если Булгаков в Хаосе Гражданской войны не видит положительных моментов, то М. Осоргин настроен на оптимистический диалог двух культур: из Хаоса переходной эпохи неизбежно возникнет новая культура, новый Космос. И этот жизнеутверждающий вывод Осоргина позволяет предположить новое прочтение

главного вопроса 20-х годов, оправдание Хаоса, бессмыслицы революции как неведомого ранее смысла, как надежды на возрождение и воскрешение утраченной гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осоргин М. А. Сивцев Вражек. Свидетель истории. / М. А. Осоргин. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 622 с.
2. Гуткина Н. Д. Роман М. А. Булгакова «Белая гвардия» и русская литературная традиция: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Д. Гуткина. — Н. Новгород, 1998. — 27 с.
3. Барковская Н. В. Возвращение к истокам: (Осмысление исторической судьбы России в «Старинных рассказах» М. Осоргина) / Н. В. Барковская // Михаил Осоргин: Страницы жизни и творчества. — Пермь, 1994. — С. 72—77.
4. Михалевич Е. В. Сопоставительный анализ речевых партий персонажей романа М. Булгакова «Белая гвардия» и пьесы «Дни Турбиных»: автореф. дис. канд. филол. наук / Е. В. Михалевич. — СПб, 1999. — 23 с.
5. Кадырова Н. С. Концептосфера романа М. А. Булгакова «Белая гвардия»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Кадырова. — Sterlitaamak, 2013. — 25 с.
6. Папшева Г. О. Эсхатологические мотивы в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» / Г. О. Папшева // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика, 2010. — № 1. — С. 75—79.
7. Лобанова Г. И. «Маленький человек» в вихре истории: опыт анализа романов М. Осоргина 1920—1930 г. / Г. И. Лобанова. — Уфа: Вагант, 2008. — 259 с.
8. Кашина И. В. Фразеологизмы в исторических рассказах М. Осоргина / И. В. Кашина // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. — Т. 143. — Казань, 2002. — С. 145—147.
9. Орлова О. А. Эсхатологические мотивы в творчестве М. А. Булгакова: на примере романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Орлова. — Москва, 2008. — 23 с.
10. Фрадкина С. Я. На перекрестке традиций: («Сивцев Вражек» М. Осоргина и традиции русской классики) / С. Я. Фрадкина // Михаил Осоргин: Страницы жизни и творчества. — Пермь, 1994. — С. 13—21.

Воронежский Государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко

Папшева Г. О., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Голубцова Н. В., преподаватель кафедры русского языка

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko

Papsheva G. O., Candidate of Philology, Lecturer of the Russian

language Department

E-mail: gal.o.p@yandex.ru

Golubtsova N. V., Lecturer of the Russian language Department

E-mail: nadia.golubtsova@yandex.ru